

"Интервью с Владимиром Путиным"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Оливер Стоун

Интервью с Владимиром Путиным

ОЛИВЕР СТОУН

ИНТЕРВЬЮ С ВЛАДИМИРОМ ПУТИНЫМ

Перевод с английского

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва
2017

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *А. Василенко*

Перевод В. Ионов

Расшифровка интервью М. Шалунова, Н. Обухова, М. Савина, У. Беднарская

Корректоры Е. Чудинова, Е. Аксёнова, О. Улантjikова

Компьютерная верстка М. Поташкин

Дизайн макета и обложки Ю. Буга

Фото на обложке Komandir, LLC

В этой книге приводится расшифровка интервью, взятых Оливером Стоуном у Владимира Путина во время четырех посещений в период между 2 июля 2015 года и 10 февраля 2017 года. Поскольку интервью брались на протяжении двух лет, мы удалили некоторые повторы. Во всех случаях мы делали все от нас зависящее, чтобы расшифровка в точности отражала намерение и смысл сказанного.

© Oliver Stone, 2017

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2017

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Первое интервью

Визит 1 - первый день, 2 июля 2015 года

Биография

О. С.: *Я думаю, многие на Западе знают не слишком много о вас, если не считать новостей. Хотелось бы познакомиться с вашей биографией и узнать ваше происхождение. Я знаю, что вы родились в октябре 1952 года, после войны, что ваша мать работала на фабрике. Я знаю, что ваш отец воевал, но мне не известно, чем он занимался после войны. А еще я знаю, что в детстве вы жили в коммунальной квартире вместе с другими семьями.*

В. П.: *Моя мама не работала на фабрике. Она была разнорабочая. И поскольку я у них был поздний ребенок (они до этого потеряли двух детей, одного во время войны, в блокаду Ленинграда {1}), они не хотели отдавать меня в детские учреждения, поэтому мама работала просто ночным сторожем.*

О. С.: *Из-за того, что она не хотела оставлять вас?*

В. П.: Да. А отец работал на заводе.

О. С.: *А кем именно?*

В. П.: Он был механиком. У него было среднее техническое образование, он работал механиком.

О. С.: *Постоянно или это была временная работа? Он работал на постоянной основе?*

В. П.: На постоянной основе. Он вообще работал долго. И потом, когда вышел на пенсию, он все равно продолжал работать, до 70 с лишним лет. Никак не мог прекратить.

О. С.: *А во время войны у него были ранения?*

В. П.: Да, он начинал войну в специальных подразделениях. Это небольшие разведгруппы, которые забрасывали в ближний тыл врага для совершения различных акций. Вот забросили туда первую группу, 28 человек, в живых осталось только четверо. Он мне это рассказывал, а потом, когда я уже был президентом, мне принесли из архива Министерства обороны дело на эту группу. Все подтвердилось. И после этого его направили уже в действующую армию, на один из самых опасных участков Ленинградского фронта, он назывался «Невский пяточок». Бои шли на берегу реки Невы, где советские войска захватили небольшой плацдарм 2 на 4 километра.

О. С.: *Продолжим. Ваш старший брат умер через несколько дней, как я полагаю, или через несколько месяцев после вашего рождения?*

В. П.: Нет, он умер в блокадном Ленинграде, ему было около трех лет. И причем в это время с целью спасения детей забирали из семей, чтобы их поддержать, спасти жизнь, но он заболел и умер. Родителям даже не сообщили, где он похоронен. Вот что любопытно, совсем недавно просто люди, заинтересованные в этом, нашли в архивах по фамилии, имени, отчеству и адресу, откуда ребенка забирали, разыскали документы о его пребывании в этом детском учреждении, о его смерти и месте захоронения. В прошлом году я впервые побывал на том месте, где он захоронен. Это мемориальное кладбище в Петербурге.

О. С.: *С учетом потерь времен Второй мировой войны остается лишь надеяться, что ваших отца и мать эти трагедии не сломали. Третий сын, наверное, был для них как новая надежда.*

В. П.: Нет-нет, они не были сломлены, но война-то закончилась в 45-м году, а я появился на свет в 1952-м, и это было очень тяжелое время для рядовых граждан в Советском Союзе. Но все-таки они решились завести ребенка.

О. С.: *Скажите... я слышал, что у вас были некоторые... некоторые нелады с законом в детском возрасте. Насколько мне известно, вы были довольно неуправляемым ребенком до тех пор, пока не начали заниматься дзюдо в 12 лет.*

В. П.: Ну да. Ну вы знаете, все-таки, хотя родители старались за мной... старались мне уделять какое-то время, все-таки я жил в очень свободном режиме, много времени проводил на улице, во дворе и, конечно, не всегда был дисциплинированным, мягко говоря. Когда я начал заниматься спортом систематически, борьбой дзюдо, это стало дисциплинировать, стало менять жизнь понемногу в лучшую сторону.

О. С.: *Я также слышал, что ваш дед по материнской линии был какое-то время поваром у*

Ленина и Сталина.

В. П.: Да, ну так получилось. Как у нас говорят, мир тесен, это правда. Он еще до революции 1917 года работал в одном из ресторанов в Петрограде в качестве повара. Как он попал на дачу к Ленину и стал там работать, я не знаю. Потом действительно работал за городом, где жил Сталин, и работал у него. Он был рядовым человеком, поваром.

О. С.: *Он рассказывал вам что-нибудь об этом?*

В. П.: Нет, он мне вообще ничего не рассказывал. Правда, я часть детства проводил здесь, под Москвой. Мы жили в Ленинграде, но на лето несколько лет приезжали к деду, который был уже пенсионером, но жил там, где работал, на одной из госдач. И мне отец рассказывал, как он ездил к своему отцу, когда еще был жив Сталин, и тот ему издалека показывал его на прогулке. Это все, что я знаю об этом периоде.

О. С.: *У нас с вами есть нечто общее – у моей матери, она была француженкой, отец – мой дед – воевал на стороне Франции во время Первой мировой войны. Он был поваром на передовой. И он много рассказывал мне о войне и о том, как тяжело было тогда.*

В. П.: Да, мне мама рассказывала о Первой мировой войне еще со слов ее отца, который был участником этой войны. Один из моментов довольно любопытен, с человеческой точки зрения. Это же была так называемая окопная война, и дед, когда вернулся, рассказывал об одном из эпизодов. Он увидел, что австрийский солдат, это был, видимо, Южный фронт, в него целится. Но дед успел выстрелить первым. И австриец упал. А потом дед увидел, что тот жив. Но так все располагалось, что он там был один почему-то. И истекал кровью. Дед к нему подполз, достал свой санитарный пакет и перевязал раны. Вот такая любопытная вещь. И он своим родственникам рассказывал: «Я не стал бы стрелять первым, если бы не видел, что тот в меня целится». Ну а комментарий был такой: мы все одинаковые люди и вот те тоже, такие же, как и мы, простые рабочие.

О. С.: *Бои во Франции были такими же кровопролитными, как и в России. Во время Первой мировой войны половина, 50 % молодых людей в возрасте от 17 до 35 лет были убиты или получили увечья {2}.*

В. П.: Да, это так.

О. С.: *После окончания средней школы вы, насколько я понимаю, сразу поступили в юридический вуз. Это нормально для российской системы?*

В. П.: Точно. Я окончил школу в Ленинграде, среднюю школу, и сразу же поступил в Ленинградский университет на юридический факультет.

О. С.: *Окончили его в 1975 году и тогда же познакомились со своей первой женой – я имею в виду последнюю жену – вашей единственной женой?*

В. П.: Ну это было позже. Это было через лет семь.

О. С.: *А потом сразу же, в 1975 году, пошли работать в КГБ в Ленинграде.*

В. П.: Да. Меня фактически взяли... В советских высших учебных заведениях существовала так называемая система распределения. Когда вы оканчивали высшее учебное заведение, вы должны были пойти туда на работу, куда вас пошлют.

О. С.: *О! Так у вас не было выбора?*

В. П.: Сейчас скажу. Меня взяли прямо по распределению. Я обязан был идти туда работать. Но я хотел там работать. Больше того, я поступил на юридический факультет именно потому, что хотел работать в КГБ. Еще в школе я пошел в Ленинградское управление КГБ сам, просто с улицы, спросил, что нужно сделать, чтобы работать в их системе. И мне сотрудник приемной сказал, что нужно получить высшее образование, лучше юридическое. И поэтому я пошел на юрфак.

О. С.: *Понимаю.*

В. П.: Но с этого момента никто обо мне никогда не вспоминал, никаких контактов с КГБ у меня не было, и, когда подошло время распределения, действительно на меня вдруг неожиданно совершенно, буквально за несколько месяцев, вышли сотрудники этого ведомства и предложили работать.

О. С.: *Вас, понятное дело, захватили советские фильмы о КГБ и работе в разведке.*

В. П.: Ну конечно, да. Именно так.

О. С.: *Это были Тихонов и Жженов... Главные роли играли Тихонов и Жженов... Киноактеры.*

В. П.: Ну книги, фильмы, конечно. Вы абсолютно точно сформулировали.

О. С.: *Ну да. И вы работали в Дрездене с 1985 по 1990 год, но первые 10 лет просидели в основном в Ленинграде?*

В. П.: Да. В Ленинграде и в Москве в специальных школах.

О. С.: *И вы продвигались по службе, демонстрировали успехи.*

В. П.: В целом да.

О. С.: *Восточная Германия с 1985 по 1990 год производила довольно грустное впечатление.*

В. П.: Вы знаете, не то чтобы грустное. Но в это время в Советском Союзе начались процессы, связанные с так называемой перестройкой {3}, сейчас, наверное, не будем об этом говорить – много проблем было в этой перестройке, но все-таки какой-то дух обновления присутствовал. А когда я приехал в Восточную Германию, в ГДР, там было ясно, что никакого духа обновления и близко нет.

О. С.: *Именно это я и имел в виду.*

В. П.: И было такое впечатление, что общество заморожено, застыло в 1950-х годах.

О. С.: *Итак, Горбачев – вы не были знакомы с ним, я имею в виду, у вас не было... ощущения происходящих реформ, но вы ведь были не в Москве, чтобы чувствовать это. Вы вернулись в Москву? Вы ощутили перестройку?*

В. П.: Вы знаете, было понятно, видимо, и для Горбачева, и для тех, кто его окружал, что страна нуждалась в переменах. Но сегодня я могу с полной уверенностью сказать, что они не понимали, какие нужны перемены и как их добиться.

О. С.: *Именно.*

В. П.: Поэтому очень много было сделано такого, что нанесло стране колоссальный ущерб. Хотя действовали они, разумеется, из благих побуждений, правильно считая, что перемены необходимы. Ну вот, пожалуй, такой ответ.

О. С.: *Однако Горбачев – у меня было несколько встреч с ним – приезжал к нам, в Соединенные Штаты, и я встречался с ним здесь. Он похож на вас в том смысле, что тоже прошел через эту систему. Он был специалистом по сельскому хозяйству, изучал документы, много работал и, если судить по его мемуарам, рано понял, что есть множество препятствий, которые не позволяют экономике работать.*

В. П.: У нас у всех есть что-то общее, потому что мы люди.

О. С.: *Конечно, но я хочу сказать, что он был рабочим. Он говорил конкретные вещи и задавал вопросы – как нам изменить это?*

В. П.: Я не был рабочим. И, на мой взгляд, как раз вот этой конкретики многим прежним руководителям Советского Союза, включая Горбачева, очень не хватало. Они не знали, чего они хотят, и не знали, как добиться того, что нужно.

О. С.: *Ну хорошо. Но в августе 1991 года произошел переворот {4}, и вы ушли в отставку на второй день после него. Переворот возглавила Коммунистическая партия.*

В. П.: Была предпринята попытка государственного переворота. И в эти дни, я не помню уже, на второй, на третий день, но в эти дни я действительно подал в отставку, потому что, когда вернулся из Германии, некоторое время работал в университете, находясь еще в штате внешней разведки КГБ СССР. А потом бывший мэр Петербурга, господин Собчак, пригласил меня к себе на работу {5}. И это была любопытная беседа, ведь я у него когда-то учился, он меня пригласил к себе в кабинет, как помощника...

О. С.: *Но это было потом. А почему вы подали в отставку? Я хочу сказать, что ведь это ваша карьера.*

В. П.: Сейчас скажу. Во-первых, когда он меня пригласил на работу, я сказал, что мне очень интересно было бы с ним работать, но думаю, что это невозможно и не следует этого делать, потому что я еще нахожусь в кадровом составе внешней разведки КГБ, а он был в это время очень ярким и признанным демократическим лидером, политиком новой волны. И я ему прямо сказал, что, если кто-то узнает о моей работе в КГБ, это его скомпрометирует. В то время в стране шла достаточно острая политическая борьба. Но меня удивила реакция господина Собчака. Он сказал: «Да плевать я хотел...» И вот я у него некоторое время работал в качестве советника. А потом, когда случилась эта попытка переворота, то положение, в котором я оказался, было очень двойственное. Я не мог оставаться...

О. С.: *В августе 1991 года?*

В. П.: Да, на фоне попытки государственного переворота я не мог оставаться в кадрах КГБ, будучи ближайшим сотрудником демократически избранного мэра Санкт-Петербурга. И я написал рапорт. Собчак позвонил тогда председателю КГБ СССР и попросил его отпустить меня из КГБ. И действительно тот согласился, буквально в течение нескольких дней вышел приказ о моем увольнении.

О. С.: *Но в душе вы все еще продолжали верить в коммунизм? Вы все еще верили в систему?*

В. П.: Ну нет, конечно. Но изначально я очень верил – эта идея сама по себе очень красивая –

и, конечно, я верил в нее и старался делать все, чтобы она реализовалась.

О. С.: Когда ваши убеждения изменились?

В. П.: Вы знаете, они меняются, к сожалению, не под влиянием каких-то идей, а под влиянием обстоятельств. Стало ясно, что система неэффективна. Что она зашла в тупик. Экономика не развивается. Политическая система застыла и не способна к развитию. Монополия одной политической силы, одной политической партии на власть губительна для страны.

О. С.: Но ведь это идеи Горбачева, значит, на вас повлиял Горбачев.

В. П.: Это не идеи Горбачева, это идеи французских социалистов-утопистов {6}. Горбачев здесь совершенно ни при чем. Горбачев действовал под влиянием обстоятельств. Я повторяю, что его заслуга в том, что он почувствовал необходимость перемен, это правда. И попытался изменить саму систему. Не то чтобы сменить, но отреставрировать, отремонтировать, а проблема заключалась в том, что она сама по себе была негодная. Однако как сделать, чтобы поменять ситуацию в стране, поменять систему, но страну сохранить, вот этого никто, в том числе Горбачев, тогда не знал, что и привело к распаду страны {7}.

О. С.: Конечно, это, должно быть, очень болезненно. Советский Союз развалился, и образовалась Российская Федерация во главе с Ельциным. Я был в Санкт-Петербурге в начале 1992 года и встречался с Собчаком. Вполне возможно, я пересекался там и с вами, кто знает, если вы были его помощником в те времена.

В. П.: Я не помню, но хочу вам сказать, что Собчак был абсолютно искренним и полноценным с идеологической точки зрения демократом. Но он был категорическим противником развала Советского Союза.

О. С.: Он был против развала. Да, это было чудесное время, очень интересное время. Казалось, что рождалось что-то новое, и никто не знал, как все повернется. Были бандиты, они действительно были – люди разные. Они одевались по-новому. Я был в Советском Союзе в 1983 году, в брежневскую эру, и на меня он произвел гнетущее впечатление. Поэтому, когда я вернулся семь или восемь лет спустя, все вокруг казалось мне нереальным. Собчак пригласил нас в дорогой ресторан, и мы очень хорошо провели время с ним.

В. П.: Да, но в то же самое время, обращаю ваше внимание, когда появились замечательные рестораны, у нас полностью была разрушена система социальной защиты. Полностью были остановлены целые отрасли экономики. Фактически разрушена система здравоохранения. В плачевном состоянии оказалась армия. И миллионы людей оказались за чертой бедности. Про это тоже нельзя забывать.

О. С.: Да, такова обратная сторона этого. Вы переехали в Москву в 1996 году и возглавили Федеральную службу безопасности на 13 месяцев.

В. П.: Нет, не сразу. Я переехал в Москву, первоначально планировал работать в Администрации Президента Ельцина. И начал работать в Управлении делами президента Ельцина, занимался юридическими вопросами. Потом, после этого, меня перевели в администрацию, я стал руководителем Контрольного управления. Контрольное управление занимается проверкой и контролем за деятельностью правительства прежде всего и региональных администраций. А после этого стал директором ФСБ.

О. С.: Понятно. Так на этом посту, насколько я понимаю, вы должны были видеть, что

происходит. Это был кошмарный хаос.

В. П.: Конечно, видел. Понимаете, я часто слышал критику в свой адрес по поводу того, что сожалею по поводу развала Советского Союза. Но, во-первых, и самое главное заключается в том, что после развала Советского Союза 25 миллионов русских людей в одну ночь оказались за границей. И это реально крупнейшая, одна из крупнейших катастроф XX века. Поскольку люди жили в одной стране, у них были родственные связи, работа, квартира, они были все в равных правах. В одну секунду они все оказались за границей. А в стране возникли сначала признаки, а потом и полномасштабная гражданская война. И, конечно, все это я прекрасно видел, особенно когда стал директором Федеральной службы безопасности.

О. С.: *Итак, в 1999 году вы стали премьер-министром. А Ельцин ушел в отставку в 2000 году. Совершенно очевидно, стоит только посмотреть на пресс-конференции и фильм о господине Ельцине, что он страдал пристрастием к алкоголю. Его рассудок, казалось, находился – судя по тому, как он говорил, как смотрел в камеру и как двигался, – в ступоре.*

В. П.: Вы знаете, я не считаю себя вправе давать какие-то серьезные оценки ни деятельности Горбачева, ни личности Ельцина. Я говорил, что Горбачев не понимал, что нужно сделать, каковы цели и как их добиться. Но все-таки он предпринял первый шаг к тому, чтобы дать стране свободу. Это историческая заслуга, это очевидный факт. То же самое у Ельцина. У него, как и у каждого из нас, были свои проблемы. Но были и свои сильные стороны. Одна из этих сильных сторон заключалась в том, что он никогда не уклонялся от личной ответственности. Он был в состоянии эту ответственность брать на себя. Хотя и у него было очень много проблем. Но то, что вы сказали, да. Ну чего ж греха таить. Это тоже было.

О. С.: *Просто из любопытства, поскольку я знаю по рассказу Хрущева, что Сталин заставлял участвовать в застольях, – приходилось ли вам выпивать с господином Ельциным?*

В. П.: Никогда. Во-первых, я не был к нему очень близок. Я никогда не входил в ближний круг, в близкое окружение ни Горбачева, ни Ельцина. И то, что он назначил меня директором службы безопасности, было для меня полной неожиданностью. Это первое. Второе, я никогда не злоупотреблял алкоголем. В-третьих, мы встречались с Борисом Николаевичем только в рабочей обстановке, и там я никогда не видел его пьяным.

О. С.: *Ну, может быть с похмелья?*

В. П.: Не знаю, я не проверял и не принохивался. Но говорю вам совершенно искренне, я с ним не ездил на охоту, не проводил личное время, я встречался с ним только в рабочем кабинете и ни разу с ним рюмки водки не выпил.

О. С.: *Чудеса! Премьер-министры неожиданно приходят и уходят, и вы – премьер-министр. И что дальше?*

В. П.: Вы знаете, это такая любопытная история. Понимаете, я приехал из Ленинграда, из Петербурга, в Москву в 1996 году, как вы сказали. И в общем и целом у меня здесь не было какой-то особой поддержки, каких-то особых мощных связей. В 1996 году я приехал, а 1 января 2000 года стал исполняющим обязанности президента. То есть это в принципе такая невероятная на первый взгляд история.

О. С.: *Да уж.*

В. П.: При этом хочу вам сказать, что у меня не было каких-то особенных отношений ни с

Борисом Николаевичем Ельциным, ни с его командой. Ну так вот случилось.

О. С.: *Наверное, очередной премьер-министр был отправлен в отставку, и он просто сказал: «Ну а теперь ваша очередь».*

В. П.: Я думаю, что он все-таки присматривался, выбирал. Он же принял для себя решение уйти. Поэтому в это время несколько премьер-министров были сменены, буквально один за одним через каждые полгода. Я не знаю, почему Ельцин остановил свой выбор именно на мне, хотя до меня работали очень талантливые люди. Один из них, к сожалению, недавно ушел из жизни, это господин Примаков. Но когда мне Ельцин предложил первый раз, я отказался.

О. С.: *Вы отказались? Почему?*

В. П.: Да, я сказал, что я... Да, он прямо вот здесь, в соседнем кабинете, меня пригласил, сказал, что хотел бы назначить премьер-министром и чтобы я потом баллотировался в президенты. Я ответил, что это очень большая ответственность, это должно поменять всю жизнь мою и я не уверен, что к этому готов. Он сказал, что мы позже вернемся к этому разговору.

О. С.: *Изменить вашу жизнь, в чем? Я имею в виду, что вы и так уже довольно долго были чиновником в правительстве.*

В. П.: Нет, ну все-таки это совсем другое дело. Одно дело быть просто чиновником, даже высокого ранга – можно жить жизнью практически рядового человека: ходить в гости, в кино, в театр свободно, общаться с друзьями и не нести такую персональную ответственность за все, что происходит в стране, за судьбы миллионов людей. А взять на себя ответственность в той ситуации за Россию – это очень непростое дело. И больше того, извините, ведь в августе 1999 года, когда Борис Николаевич Ельцин предложил меня в качестве премьер-министра, а парламент за это проголосовал, началась Вторая чеченская война в России {8}. И это было очень тяжелое испытание для страны. Откровенно говоря, я ведь не знал тогда, какие окончательно планы в отношении меня у президента Ельцина. Но ситуация была такова, что мне пришлось в это время практически взять на себя ответственность за нее. И я не знал, как долго я смогу это делать, потому что в любую секунду президент мог сказать: «Свободен!» И я думал тогда только об одном: куда спрятать детей.

О. С.: *В самом деле? И что бы вы сделали?*

В. П.: Конечно, а как вы думали, там ситуация была очень острая. Представьте себе, меня бы освободили от занимаемой должности, охраны нет, ничего нет. Чего делать, как жить и как обеспечить безопасность семьи? Просто я для себя тогда решил, что, если судьба так распорядилась, надо уже до конца идти. И я тогда еще не знал на 100 %, что буду президентом, никаких серьезных гарантий по этому поводу никто не давал.

О. С.: *Могу я поинтересоваться, приходилось ли вам присутствовать на встречах Ельцина с олигархами?*

В. П.: Да, конечно.

О. С.: *Вы видели, как он держался?*

В. П.: Ну конечно. Достаточно официально, прагматично. Он встречался с ними не как с олигархами, а как с представителями крупного бизнеса. Как с людьми, от работы которых

зависят судьбы многих людей, больших трудовых коллективов.

О. С.: *Не создавалось ли у вас впечатление, что Ельциным помыкают?*

В. П.: Вы знаете, да, но он этого не понимал. Сам Борис Николаевич Ельцин был очень порядочным человеком. И если и можно ему что-то ставить в вину в тот период времени, говоря об олигархической системе правления, то только то, что он слишком много доверял кому-то. Сам Ельцин никогда не был связан с олигархией и ничего в личном плане от них никогда не имел.

О. С.: *Встречались ли вы когда-либо с Березовским или кем-то вроде него?* {9}

В. П.: Конечно. С Березовским я был знаком еще до того, как приехал в Москву.

О. С.: *Ну и как? Были ли эти встречи дружескими?*

В. П.: Нет, у нас не было дружественных отношений. А познакомились мы так: я работал в Петербурге, и из Москвы нас попросили принять, не помню, по-моему, кого-то из американских сенаторов, который летел из Тбилиси и хотел встретиться с Собчаком. Поскольку я отвечал за внешние связи города, то меня попросили организовать эту встречу. Я доложил Собчаку, он согласился, и вот с этим господином, по-моему, это был американский сенатор, из Тбилиси прилетел как раз Березовский. Он его сопровождал. Вот так я с ним и познакомился. Причем на встрече господин Березовский заснул.

О. С.: *Березовский умный человек, он наверняка оценил вас – посмотрел и задумался, как ему выстроить отношения с вами, не так ли? Я имею в виду, что это справедливо для обеих сторон.*

В. П.: Нет, послушайте, я был только помощник Собчака. Поэтому, если он о чем и думал, так о том, как построить свои отношения с Собчаком, не со мной.

О. С.: *Окей, теперь перенесемся в 2000 год. Это тяжелое время. Итак, вы стали президентом. За вас проголосовали 53 %. Никто не ожидал, что вы останетесь надолго. Вы президент страны в тяжелые времена – продолжается чеченская война. Ситуация выглядит ужасно, а тут еще олигархи... Повсюду приватизация. Вы даете обратный ход. Я видел документальные кадры и могу показать видеоматериалы об этой борьбе. На мой взгляд, это было самое серьезное сражение – один из самых сложных периодов в вашей жизни.*

В. П.: Так и было. Только эти времена наступили не в 2000 году, а гораздо раньше. Я думаю, что в начале 1990-х годов, сразу после распада Советского Союза. А к этому времени, к 2000 году, в 1998 году у нас кризис произошел экономический, в 1999 году возобновилась война на Кавказе, и когда я стал исполняющим обязанности президента, все это было в таком вот очень сложном... страна находилась в очень сложном положении. Это правда.

О. С.: *Вы вставали в 4 часа утра? Вы вообще спали? На что были похожи эти темные ночи?*

В. П.: Нет-нет, я не вставал в 4 часа утра. Я ложился часов в 12, в час, полвторого и вставал в семь. Я всегда спал 6-7 часов.

О. С.: *Очень жесткая дисциплина. И никаких ночных кошмаров?*

В. П.: Нет.

О. С.: *В самом деле? Такая дисциплина – результат военной службы, опыта работы в КГБ?*

В. П.: Ну я думаю, что от спорта и от военной службы, конечно.

О. С.: *Вы очень дисциплинированный человек, сэр.*

В. П.: Просто дело в том, что если этого не делать, то очень сложно работать. Тогда не будет хватать сил на решение текущих задач, я уж не говорю о стратегических. Нужно быть в форме.

О. С.: *Понятно. Удавалось ли вам видеть своих детей в этот период? И жену?*

В. П.: Да, конечно, но мало.

О. С.: *Регулярно? Вы обедали дома, то есть обедали с ними? Вы виделись по вечерам?*

В. П.: Нет, ну поздно приходил, рано уходил. Поэтому видел их, конечно, но мало.

О. С.: *Когда умерли ваши родители? В этот период?*

В. П.: Мама – в 1998 году, а папа – в 1999 году.

О. С.: *Это, должно быть, очень тяжело – в дополнение ко всем прочим трудностям.*

В. П.: Они последние два года практически провели в больнице. И я каждую пятницу из Москвы летал в Петербург, чтобы с ними повидаться.

О. С.: *На все выходные и возвращались в воскресенье или...?*

В. П.: Ну на один день я приезжал повидаться с ними и потом возвращался назад.

О. С.: *Они гордились вами?*

В. П.: Да.

О. С.: *Ваши мать и отец не могли поверить в это, так?*

В. П.: Ну да, это правда. Но отец не дожил буквально два месяца до того, как я был назначен премьер-министром. Но даже когда я не был премьер-министром, он все время говорил медперсоналу: «Вот мой президент едет».

О. С.: *Очень мило. Очень мило. Вам вменяют в заслугу множество достижений в период первого президентского срока. Была остановлена приватизация. Вы добились развития разных отраслей – электроники, машиностроения, нефтехимии, сельского хозяйства и многих других. Истинный сын России – вы должны гордиться. Вы увеличили ВВП, вы повысили доходы, вы реформировали армию, вы положили конец чеченской войне {10}.*

В. П.: Не все точно. Я не останавливал приватизацию. Я просто попытался придать ей более справедливый характер. Я сделал все, чтобы государственное имущество не уходило за бесценок. Мы прекратили действие схем, при которых была создана олигархия, при которых люди в одночасье становились миллиардерами. При всем моем уважении к Василию Васильевичу Леонтьеву, это американец русского происхождения, нобелевский лауреат в области экономики. Я с ним встречался, был на его лекциях, я слушал, как он говорил, что можно раздать собственность за рубль, все равно, в конце концов, она должна оказаться в тех руках, в которых должна быть. Я думаю, что в наших условиях все-таки это привело к

незаконному обогащению целых групп людей и к утрате государством контроля над некоторыми стратегическими областями или к их развалу. Поэтому моя задача заключалась не в том, чтобы остановить приватизацию, а в том, чтобы придать ей более системный и справедливый характер.

О. С.: Я видел кадры вашей встречи с олигархами в 2003–2004 годах. Это была интересная встреча. Были ли у вас открытые столкновения с Березовским и другими, с Ходорковским?

В. П.: Нет. Открытых столкновений не было. Я просто говорил им о том, что все они должны, как тогда было модно повторять, подчеркивать равную удаленность от власти. Говорил о том, что, если они действовали в рамках... если они приобретали свою собственность в рамках действовавшего тогда закона, мы не будем стремиться к изъятию этой собственности. Но сегодня законы меняются, и они должны жить в рамках этих законов. Исхожу из того, что попытка пересмотреть итоги приватизации может нанести экономике страны бóльший ущерб, чем сама приватизация. И поэтому мы будем продолжать саму приватизацию по более справедливым правилам, будем все делать, чтобы обеспечить права собственности, но надо понимать, что все должны быть равны перед законом. Никто не возражал.

О. С.: Вы снизили уровень бедности на две трети?

В. П.: Точно.

О. С.: В отношении престарелых. Пенсии.

В. П.: Ну да, в разы.

О. С.: В 2000 году средний доход составлял 2700 рублей. В 2012 году – 29 000 рублей.

В. П.: Да, точно.

О. С.: На волне чрезвычайной популярности в 2004 году вы получили на перевыборах 70 % голосов {11}.

В. П.: Да, чуть побольше.

О. С.: В 2008 году, поскольку разрешены только два президентских срока, вам пришлось стать премьер-министром. Реальная власть за троном. А в 2012 году вы баллотировались на пост президента и победили, получив 63 %, да, я думаю, 63 % голосов.

В. П.: Да, вы правы.

О. С.: Таким образом, вы президент три раза. Кое-кто может сказать, что еще один раз и вы переплюнете Франклина Делано Рузвельта.

В. П.: Почему, он-то был в четвертый раз {12}.

О. С.: Да, он не завершил свой четвертый срок, но всегда был невероятно популярным. А вас критикуют за многие вещи. Мы можем поговорить об этом позже, вас критикуют за цензуру прессы среди прочего, но мне не хочется углубляться в эту тему сегодня. Насколько я понимаю, к настоящему времени вы находитесь на посту президента почти 15 лет. Это невероятно.

В. П.: Нет, смотрите, первые два срока – это 8 лет. Четыре и четыре. И сейчас с 12-го года,

значит, 11 лет.

О. С.: Окей. Вы ведь напряженно работали и на посту премьер-министра.

В. П.: Я работал много и в целом весьма успешно, но президентом России был другой человек. И я знаю, как у нас в стране, так и за рубежом это время оценивали. Должен вам сказать, что президент Медведев полностью и самостоятельно исполнял все свои обязанности. Мы разделили наши функции, они разделены конституцией. Я никогда не вмешивался в его работу {13}. Было несколько моментов, когда он считал возможным посоветоваться по каким-то вопросам. Но это было достаточно редкое явление, и он делал в основном все сам так, как считал нужным. Больше того, я могу рассказать вам любопытный момент, когда произошла инаугурация президента Медведева {14}, мы вот здесь узким кругом собрались в Кремле, и один из очень высокопоставленных людей в России сказал в мой адрес добрые слова и добавил, что «мы же все понимаем, что вы для нас президент». И я всем сказал: спасибо вам за добрые слова, но прошу вас не подавать ложных сигналов обществу. Президентом в стране может быть только один человек. Тот, кто избран народом.

О. С.: Согласен. Пять попыток покушения, как мне сказали. Не так много, как у Кастро, у которого я брал интервью, – думаю, их было порядка 50, – но все равно целых пять, насколько мне известно {15}.

В. П.: Я с Кастро разговаривал на этот счет, и он мне сказал: «Знаешь, почему я жив?» Я спросил: «Почему?» Он – потому, что я своей безопасностью всегда занимался лично. В отличие от Кастро, я делаю свою работу, а сотрудники безопасности делают свою. До сих пор у них все это неплохо получалось. У меня неплохо получалось выполнять свои служебные обязанности, а у них свои.

О. С.: Так вы говорите, что не собираетесь следовать примеру Кастро?

В. П.: Думаю, что такой необходимости нет у нас пока.

О. С.: Другими словами, вы доверяете своей службе безопасности и она выполняет свою работу должным образом.

В. П.: Доверяю.

О. С.: Но ведь еще со времен, когда Соединенные Штаты охотились за Кастро, злоумышленники всегда первым делом пытались пробраться в службу безопасности президента.

В. П.: Я знаю. У нас знаете, как говорят в народе? У нас говорят так: «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет».

О. С.: Какова ваша судьба, сэр? Вам известно?

В. П.: одному Господу известны наши судьбы, и ваша, и моя.

О. С.: Смерть в своей постели, возможно?

В. П.: Когда-нибудь с каждым из нас это произойдет. Вопрос в том, что мы сделаем на этой бренной земле. И получим ли мы удовольствие от жизни.

О. С.: До конца сегодняшнего разговора у меня есть еще 10 минут. В одном российском

документальном фильме о вас говорили о теории айсберга, в соответствии с которой во внешней политике большинство людей видят лишь одну седьмую часть айсберга, только верхушку, а шесть седьмых остаются скрытыми под водой. И о том, что международные отношения очень коварны и выглядят иначе, чем кажется со стороны.

В. П.: Мудрено.

О. С.: Я имею в виду, что почти невозможно сказать, что происходит в мире, если ты не можешь заглянуть под поверхность.

В. П.: Вы знаете, достаточно просто постоянно следить за происходящими событиями. И тогда станет понятна логика происходящих событий. Почему рядовой человек часто выпадает из ткани происходящих событий и считает, что это сложно, считает, что что-то скрыто от него? Потому что рядовой человек живет своей жизнью. Он занимается каждый день тем, чем он зарабатывает себе на жизнь, а не следит за международными делами. Поэтому ему, рядовому человеку, так легко, как у нас говорят, «запудрить мозги», то есть ввести в заблуждение. А если следить ежедневно за событиями, то тогда, несмотря на то, что часть дипломатии всегда от широкой публики закрыта, тем не менее достаточно легко разобраться в происходящем. Нужно понять логику происходящих событий. А это можно сделать и без секретных документов.

О. С.: Я читал о ваших потрясающих приемах работы. Вы читаете, вы изучаете. Я хотел рассказать вам историю о Джоне Кеннеди, которую недавно прочитал. Как президент он был очень энергичным и тоже очень, очень много работал. Его брат Роберт Кеннеди написал книгу «Тринадцать дней» о кризисе на Кубе между Хрущевым и Кеннеди. Так вот, Роберт Кеннеди говорит, что его брат читал каждый документ, каждую речь иностранных лидеров. Он знал содержание этих речей, он не довольствовался выжимками, предоставляемыми ЦРУ, этого разведывательного управления, поскольку не доверял ему. Как результат он нашел общий язык с Хрущевым и разрешил этот кризис.

В. П.: Я выдержки не читаю. Я читаю только подлинные документы. Я никогда не пользуюсь аналитическими материалами разведки. Я читаю отдельные документы.

О. С.: Интересно, я предполагал что-то подобное. Ваша жизненная теория, говорят, построена на философии дзюдо?

В. П.: Ну да, основная мысль там так называемый гибкий путь. Можно и нужно быть гибким. Иногда можно и уступить, но только в том случае, если это путь к победе.

О. С.: Но есть еще история про крысу, которую вы рассказали Майку Уоллесу. О том, как вы прогнали крысу, когда были мальчишкой, палкой, а крыса бросилась на вас.

В. П.: Нет, она, слава богу, меня не укусила, она на меня прыгнула. Я побежал от нее. А знаете, там лестница вот такая, ну как обычно в многоэтажных домах: она вот так, потом площадочка и вниз. Поскольку я был маленьким, но все-таки бегал быстрее, чем крыса, я успел пробежать вниз, потом по площадке еще раз. Крыса знаете что сделала, она прыгнула с одной лестницы на другую на меня сверху. Хорошо, что промахнулась.

О. С.: Ну, вы разозлили крысу палкой, так?

В. П.: Да, судя по всему.

О. С.: Так ведь по вашей философии дзюдо иногда не следует толкать оппонента слишком

сильно – он может казаться слабым, но при этом броситься на вас.

В. П.: Я тогда еще дзюдо не занимался. А потом все-таки вывод немножко другой здесь, на мой взгляд. Вот это известное выражение: «Нельзя загонять крысу в угол». А я именно это и сделал. Нельзя никого загонять в угол, ставить в безвыходное положение.

О. С.: *Олигархи недооценили вас. Когда вы стали президентом, они считали, что вы не продержитесь долго.*

В. П.: Ну вы знаете, все-таки олигархи тоже разные. Правда, среди них оказались люди, которые готовы были вписаться в предлагаемую систему отношений с государством. Им же было сказано, что никто не посягает на собственность. Наоборот, государство будет защищать собственность. Даже если прежние законы были не очень справедливые. Но закон есть закон. Это тоже одно из правил. Закон есть закон.

О. С.: *Закон всегда закон, если он не меняется. Люди протестуют. В Америке существовало законодательство о гражданских правах. Много хорошего вытекает из протестов – неповиновения закону.*

В. П.: Это правда. В нашей ситуации, я считаю, законы приватизации в начале и середине 1990-х годов были несправедливыми. Но деприватизация, если бы начали ее проводить, еще хуже отразилась бы на экономике, а значит, и на жизни простых людей. Поэтому я представителям большого бизнеса сказал (это был откровенный честный разговор): «Прежние схемы должны прекратить свое существование, законы должны быть гораздо более справедливыми, а бизнес должен нести гораздо большую социальную ответственность». И многие представители бизнеса, подавляющее большинство, вписались в эти правила. Они вполне всех устроили. Вы знаете, кому это не понравилось? Тем, кто настоящими бизнесменами и не является. Это не понравилось тем, кто зарабатывает свои миллионы и миллиарды не благодаря своим талантам бизнесмена, а благодаря умению наладить отношения с властью. Вот этим не понравилось, но их единицы. А в целом отношения у нас с бизнесом вполне благоприятные.

О. С.: *В завершение скажу кое-что о Сталине. Вы сами негативно отзывались о нем, и, конечно, его широко осуждают в мире. Однако все мы знаем, что он был выдающимся полководцем. Он привел Россию к победе над Германией, над фашизмом. Что делать с этой неоднозначностью?*

В. П.: Я думаю, что вы очень хитрый человек.

О. С.: *Почему? Мы можем оставить этот вопрос на завтра, если хотите.*

В. П.: Нет, я готов ответить сейчас. Вы знаете, известный деятель прошлого Уинстон Черчилль был ярким антисоветчиком, но, когда началась Вторая мировая война, он был горячим сторонником сотрудничества с Советским Союзом, а Сталина называл великим полководцем и революционером. После Второй мировой войны, как известно, именно Черчилль был инициатором холодной войны. А когда Советский Союз испытал первую атомную бомбу, не кто иной, как Уинстон Черчилль, заявил о необходимости сосуществования двух систем. Вот он был очень гибкий человек. Но я думаю, что в душе его отношение к Сталину не менялось никогда. Сталин был продуктом своей эпохи. Можно сколько угодно его демонизировать и сколько угодно говорить о его заслугах в победе над нацизмом. Что касается его демонизации. Вот в английской истории был такой деятель, как Кромвель. Он был кровавый человек. Пришел на волне революционных преобразований, превратился в диктатора и тирана. Ну и его

памятники до сих пор стоят везде в Великобритании. Наполеона вообще боготворят. А что он сделал? На волне революции пришел к власти и не только восстановил монархию, но еще и объявил себя императором. И привел Францию к национальной катастрофе, к полному поражению. Таких персонажей, таких ситуаций в мировой истории больше чем достаточно. Мне кажется, что излишняя демонизация Сталина – это один из способов атаки на Советский Союз и на Россию. Показать, что сегодняшняя Россия несет на себе какие-то родимые пятна сталинизма. Мы все несем какие-то родимые пятна, ну и что. Я хочу сказать, что Россия капитально изменилась. Конечно, в сознании что-то остается, но никакого возврата к эпохе сталинизма нет и быть не может в России. Потому что изменилось сознание народа. Что касается самой фигуры Сталина, то он пришел к власти на волне очень красивых идей, идей, которые говорили о необходимости равенства, братства, мира. Но, естественно, он превратился в диктатора. Вряд ли что-то возможно было по-другому в той ситуации в мире. А что, лучше было в Испании? В Италии? В Германии? Да мало ли стран, где власть была основана на тирании. Но, конечно, это не зачеркивает то, что он смог сплотить народ Советского Союза, что он смог организовать отпор нацизму. И он не вел себя как параноик Гитлер, он слушал своих военачальников. И подчинял даже свою волю некоторым решениям, которые они ему предлагали. Но это не значит, что мы должны забыть все ужасы сталинизма, связанные с концлагерями и уничтожением миллионов своих соотечественников. Поэтому это сложная фигура. В конце жизни, я думаю, он находился в сложном (так мне представляется) ментальном состоянии. Но это требует дополнительного объективного и беспристрастного изучения.

О. С.: Ваши отец и мать обожали его, так?

В. П.: Ну конечно. Я думаю, что подавляющее большинство граждан бывшего Советского Союза восхищались Сталиным. Так же, как подавляющее большинство французов в свое время восхищались Наполеоном. И сейчас еще многие любят.

О. С.: Мне хотелось бы закончить на более легкой ноте. Я видел недавно кадры, на которых вы, трудно поверить, учились... В юности вы ведь не учились этому, но ведь вы умеете играть на фортепиано. Я видел это.

В. П.: Да нет, ну что вы. Совсем недавно один приятель научил меня двумя-тремя пальцами играть. Пару-тройку мелодий очень популярных в России, в Советском Союзе песен.

О. С.: Хочу сказать, это удивительно, что в вашем возрасте вы еще хотите научиться чему-то новому, я видел, как вы катаетесь на лыжах. Раньше вы этого не делали.

В. П.: На лыжах я начал кататься еще в студенческие годы. А вот на коньках только что. Вот это да.

О. С.: О да, я видел это – хоккей.

В. П.: Когда я первый раз встал на коньки, у меня первая мысль была (ну это было буквально год-два назад), что я никогда не научусь кататься. Первая мысль была, как остановиться.

О. С.: Да уж. Вы не боялись сломать ногу? Или вас ничего не пугало?

В. П.: Ну если все время об этом думать, так из дома не надо выходить.

О. С.: Да, хоккей тяжелый вид спорта.

В. П.: Я даже не ожидал, что он такой тяжелый. Я думал, что самый крутой спорт – это дзюдо.

Но оказалось, что хоккей – чисто атлетический вид спорта.

О. С.: *Вы по-прежнему играете в него?*

В. П.: Да, и сегодня тоже с утра играл.

О. С.: *В самом деле? Невероятно. А каким-нибудь другим видом спорта вы не собираетесь заняться?*

В. П.: Нет пока.

О. С.: *Но вы ведь учите французский?*

В. П.: Нет, буквально несколько фраз могу сказать.

О. С.: *А когда вы ездили в Гватемалу – этого оказалось достаточно, чтобы получить зимнюю Олимпиаду.*

В. П.: Мне просто один из членов МОК сказал, что нужно обязательно хотя бы несколько слов сказать по-французски.

О. С.: *Прямо так несколько? Вы шутите.*

В. П.: Он сказал, в знак уважения – не к нам, не к французам, а к франкоговорящей Африке [1].

О. С.: *Благодарю вас, господин Путин, за отличное начало.*

В. П.: Спасибо вам большое. Завтра продолжим.

Визит 1 – второй день, 3 июля 2015 года

О Ельцине и войне в Персидском заливе

В. П.: Было много американских советников, они работали с центральным правительством и с Администрацией Президента Ельцина. Нас в городе Петербурге это затрагивало в наименьшей степени.

О. С.: *Вы присоединились к команде Ельцина в 1995 году, так?*

В. П.: После 1996 года. И обратите внимание, я же работал в Управлении делами президента, которое занимается хозяйственной деятельностью, а точнее, занимался юридическими вопросами. Ну конечно, и в Петербурге, и потом в Управлении делами и в Администрации Президента Ельцина мы внимательно следили за ситуацией, анализировали. Мы видели дискуссию, которая шла между представителями американских школ и европейцами, которые, если честно говорить, неодобрительно относились в большинстве своем к тем рекомендациям, которые давали американские эксперты. Прежде всего в области приватизации государственной собственности. И, откровенно говоря, мы не могли вмешаться, мы никак не вмешивались в этот процесс, но то, что говорили европейцы, мне казалось тогда объективным и справедливым, но обещания американских экспертов выглядели очень привлекательно.

О. С.: *Теперь, оглядываясь назад, как вы считаете, это была частная инициатива или все произошло с подачи американских властей?*

В. П.: Я думаю, и то и другое. Частный сектор, конечно, принимал активное участие, но,

безусловно, под контролем американских властей.

О. С.: *Высказывал ли мистер Ельцин какие-либо подозрения насчет американских интересов здесь?*

В. П.: Нет, никогда.

О. С.: *Никогда?*

В. П.: Ну вы знаете, не высказывал, но он и не погружался глубоко в вопросы экономики. Он в принципе доверял правительству, доверял тем людям, которые стояли вокруг него и которых он считал новой генерацией.

О. С.: *А европейцы, что они говорили?*

В. П.: Европейцы считали, что чековая приватизация не приведет к повышению эффективности экономики. А особенно это касалось чековой приватизации в ключевых отраслях экономики. По сути они предлагали более мягкий путь движения к рыночной экономике. На мой взгляд, это было бы гораздо более эффективно и без таких серьезных социальных потрясений. Но надо отдать должное тем не менее тем, кто принимал решение. Они все-таки решились сделать шаги, без которых переход к рыночной экономике был бы невозможен.

О. С.: *Кто это был?*

В. П.: Ну прежде всего Егор Гайдар, Чубайс, тогдашний министр экономики Андрей Нечаев.

О. С.: *Вы говорите, что согласны с политикой, но не с тем, с какой быстротой она была реализована?*

В. П.: Я согласен с теми целями, которые они перед собой ставили, но я не согласен с теми методами, которыми они пользовались.

О. С.: *Когда вы были молодым человеком, не казались ли вам ошибкой соглашение Горбачева и Рейгана и вывод войск из Восточной Европы? Не считали ли вы ошибкой вторжение Соединенных Штатов в Ирак в январе 1991 года?*

В. П.: Знаете, я уже публично высказывался на этот счет по первой части вашего вопроса. Что касается Восточной Европы, бессмысленно и вредно и даже опасно для самого Советского Союза было навязывать другим странам и народам свои правила поведения, свое видение того, как общество должно развиваться, как должна строиться политическая государственная система в этих странах. И этот подход не имел никакого исторического будущего. И то, что это когда-то должно было закончиться, было совершенно очевидно. Люди не могут вечно терпеть навязанные извне решения. Кроме того, в Европе, в том числе в Восточной, была своя политическая традиция, нельзя было этим пренебрегать.

О. С.: *Давайте говорить прямо. Я был на Вьетнамской войне. Мы отправили во Вьетнам 500 000 человек. Весь мир осудил это. А после разрядки с Горбачевым Рейган и Соединенные Штаты послали 500 000 в Саудовскую Аравию и Кувейт.*

В. П.: Я знаю, что вы критически относитесь к деятельности американского правительства по многим направлениям, но не всегда разделяю вашу точку зрения, несмотря на то, что у нас отношения с Соединенными Штатами, с их руководством не всегда складываются так, как

хотелось бы. Иногда необходимо принимать решения, которые части общества не нравятся. Но лучше принимать какие-то решения, чем не принимать никаких. Это касается прежде всего борьбы с терроризмом.

О. С.: Так вы не осуждаете США за неожиданную отpravку 500 000 солдат на Ближний Восток?

В. П.: Вы знаете, я считаю неправильным и ошибочным навязывать другим странам и народам свои схемы и свои стандарты. В том числе это касается и так называемой демократии. Демократия не может быть принесена извне, она может родиться только внутри общества. И нужно помогать обществу идти этим путем. Но навязывать это с помощью силы, извне, бессмысленно, опасно, вредно и контрпродуктивно. А что касается использования силы, в том числе вооруженной, иногда это необходимо. Но, конечно, лучше, если это делается напрямую по приглашению действующих правительств или в рамках международного права по решению Совета безопасности ООН.

О. С.: Вот именно. Окей. Я хочу сказать, что Горбачев сделал решительный шаг к миру. А через несколько месяцев после падения Берлинской стены США посылают войска в Панаму незаконно – без поддержки других стран, на фоне осуждения со стороны стран Латинской Америки.

В. П.: Ничего хорошего в этом нет, конечно. Тому же Горбачеву, прежде чем делать односторонние шаги, надо было подумать о том, как отреагируют партнеры. Просто можно делать шаги навстречу, но надо понимать, что дальше будет. Вы спросили меня по поводу Ирака. Я считаю, что это была ошибка. Ввод войск в Ирак, свержение Саддама Хусейна.

О. С.: Это произошло позже. Я говорю о начале этой кампании в 1991 году, когда Ирак вторгся в Кувейт.

В. П.: Ну тогда Соединенные Штаты не пошли дальше, они не стали свергать само правительство. Я знаю, что и по этому вопросу есть дискуссия, одни говорят, что надо было пойти и добить тогда Саддама Хусейна. А другие говорят, что все было сделано правильно, надо было остановиться. И президент, тогда Буш-старший, все сделал взвешенно, аккуратно. Ответил на агрессию и остановился.

О. С.: Мне понятна ваша точка зрения. Я не согласен с ней, но она мне понятна. Чтобы Соединенные Штаты отправили куда-то 500 000 солдат, у них там должен быть серьезный, очень серьезный интерес. Когда такая сила попадает в регион, она меняет его динамику навсегда. Теперь Америка не уйдет с Ближнего Востока никогда.

В. П.: Ну, наверное, да. Самое печальное и самое опасное, это попытка смена режимов в этом регионе мира в надежде на то, что на следующий день наступит полная благодать и демократия по американскому образцу. Это невозможно. И мы сейчас видим, что происходит в регионе. Откуда взялась ИГИЛ? [2] Не было никогда там никаких террористов. Теперь они там обосновались и уже две трети Ирака захватили. То же самое и в Сирии происходит. Ливия вообще прекратила свое существование как единое государство {16}. А радовались так, когда уничтожили Каддафи. Чему радоваться? {17} В принципе стандарт жизни Ливии приближался к среднеевропейскому уровню. Надо было бороться за демократию там? Надо. Но такими средствами? Нет. Результат-то катастрофический.

О. С.: Понимаю. Думаю, вы немного опередили меня.

О событиях 11 сентября

О. С.: *Прежде всего я хотел бы обратиться к развитию этой проблемы, которое связано со вторым Бушем. Он стал президентом и в 2001 году встречался с вами. Он сказал, по-моему, это было в Словении: «Я заглянул в его глаза и увидел душу» {18}.*

В. П.: Да, он прямо так это там и сказал. Он порядочный человек.

О. С.: *Что вы чувствовали, когда он говорил это?*

В. П.: Я почувствовал, что это человек, с которым можно договариваться о чем-то, вести дело, во всяком случае есть надежда на это.

О. С.: *11 сентября вы одним из первых позвонили ему и выразили соболезнования, так? {19}*

В. П.: Ну да, мы как раз на следующий день запланировали учения наших ядерных стратегических сил. Я их отменил и хотел, чтобы президент Соединенных Штатов знал об этом. Ну и, естественно, понимал прекрасно, что в этих ситуациях первые лица нуждаются в такой моральной политической поддержке. Нам хотелось эту поддержку продемонстрировать.

О. С.: *А когда президент Буш вторгся в Афганистан, вы оказали поддержку в создании баз на Кавказе, в Евразии, для организации снабжения американцев во время военных действий?*

В. П.: Не совсем так. Мы не разворачивали для этого никаких баз. У нас со времен Советского Союза в Таджикистане осталась дивизия, которую мы потом превратили в базу. Именно для того, чтобы закрыть террористически опасное направление со стороны Афганистана. Но мы поддержали Соединенные Штаты {20} и разрешили поставку оружия и других грузов через свою территорию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)